

сала, хлеб, огурцы, помидоры, зелень... Это как?!

Расцеловал старый Шершень Найдю, кусок сала с хлебом ей отрезал...

Оказывается, мужики рядом лес заготавливали. Потом жаловались. Дескать, обнагтели медведи, сумки с продуктами воруют.

– Ну, прям не собака, а экстрасенс какой-то!

АНТОНИНА ШАЛЫГИНА

Родилась в 1958 году. Живёт в Таре. Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне».

ДНЕВНИК

В восьмом классе я вела дневник. Все девчонки из класса были увлечены этим занятием. Это была обычная общая тетрадь в коричневой кожаной обложке, а точнее – в дерматиновой. Я наклеила на обложку красивую цветную картинку из журнала с фотографией любимого артиста Вячеслава Тихонова. Получилось красиво.

Писала я дневник втихушку, когда не было дома братьев и сестры, а чаще всего, когда все укладывались спать. Уходила на кухню, закрывала за собой дверь и давала простор своим мыслям. Маме говорила, что уроков много. Записывала интересные события прошедшего дня, свои впечатления, а главное – любовные переживания. В возрасте четырнадцати-пятнадцати лет каждая мелочь казалась значимой: случайный взгляд мальчика, оброненное слово, записочки, которые мы украдкой передавали друг другу вместо теперешних эсмэсок. Обо всём этом я писала в своём дневнике. И не просто описывала событие, а свои расуждения, сердечные страдания. Иногда давала волю чувствам: плакала, сердилась... Доверяла всё дневнику. Это было очень

личное. Иногда целые сочинения на свободную тему получались... или «поэмы».

Дневник я прятала подальше от любопытных глаз, под матрас. А любопытные глаза были. Мой младший братец Миша узнал о существовании дневника, и очень ему хотелось в него заглянуть. Было Мише лет восемь. Иногда он меня «пас»: куда я прячу дневник. Любопытство так и распирало его. Брат был настырный, себе на уме, пока своего не добьётся – не успокоится. Подходил ко мне тихонько сзади и с ехидцей в голосе говорил:

– Дай почитать дневничок!

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

– Я всё равно прочитаю.

– Ага, прочитай!

Однажды сижу в горнице – так называли в деревне большую комнату – делаю уроки. Дома тихо, никого нет. Заходит с улицы Миша с шумом и разговорами. Я его успокаиваю:

– Чё ты расшумелся? Не мешай!

Миша замолчал. На долгое время стало подозрительно тихо... Чувствую: что-то не то. Оборачиваюсь: братец стоит с ухмылочкой и хитринкой в глазах, что-то за спиной пряча. Я осторожно спрашиваю:

– Ты чего светишься, как пятак начищенный?

А он в ответ ехи-и-идненько так:

– Дневничо-о-ок...

– А-а-а! Отдай сейчас же! – Вскиваю со стула и порываюсь отобрать дневник.

– Ещё движение – и порву! – Миша держит тетрадь за листочки и делает вид, будто хочет порвать. Я начинаю стыдить брата:

– Как не стыдно чужое брать?! Какое право ты имеешь? Что там может быть интересного для тебя?

– Теперь знаю твоих женишко-о-ов.

– Каких женишков? Всего один. Отдай дневник! – Сама чуть не плачу.

– Да забирай ты свою писанину. Ничё там интересного нет.

- Нашёл же как-то...
- Прятать не умеешь.
- Это ты такой Шерлок Холмс. Читал?
- Беда мне надо читать твои каракули.
- Сам ты каракуль! Читал?

Миша отдаёт дневник со словами:

- Чё, мне больше делать нечего?

Любопытство своё удовлетворил; подержал в руках то, что было тайным, то, что так тщательно пряталось от его глаз и от всех. Интерес к дневнику у Миши пропал. Но были ещё две пары любопытных глаз: сестры и среднего брата, которым моя «писанина» была бы очень интересна, поэтому прятать дневник пришлось ещё тщательнее, в разные места.

НА РЕЧКЕ МОЕГО ДЕТСТВА. «МОРСКОЙ ЦАРЬ»

Рядом с нашим селом протекает речка Оша, извиваясь змейкой и огибая село с одной стороны. Возле домов за огородами берега её крутые, а дальше – пологие. В годы моего детства Оша была чистая, не заросшая травой и ряской. Для купания было раздолье!

А больше всего мы любили купаться на омуте. Переходили через мост, что сразу за деревней, и шли берегом извилистой речки. По левую сторону колыхалось голубое поле льна. Стрекотали кузнечики, жужжали над полем пчёлы. Мы на ходу сбрасывали с себя платья, рубашки, шорты и с гиканьем бежали к воде – скорей купаться! Сразу за поворотом речка была мелкая, берега пологие, дно твёрдое – это место для купания малышей. Для верности мы его огородили: вбили колышки, протянули между ними ленту, на неё навешали травы. Детишки с визгом барахтались в воде, плескались, как лягушата, и мы за них не боялись. Ближе к омуту купались дети постарше. Глубина там такая, что мы могли дно достать ногами. Разбегались с берега и ныряли! Какое блаженство! Выныривали и ныряли, снова и

снова! С хохотом и брызгами! Купались до посинения, до пупырышек. Помню, старшие дети выгоняли нас на берег погреться, а у нас аж зубы стучали. Посидим на бережку, закутавшись в покрывало, и опять в воду. И что интересно, никто никогда не простывал и не болел. Закалённые были.

Плывать умели все, кроме малышни. Кого-то учили родители, а других – старшие братья или сёстры. Помню, меня учила мама, поддерживая руками под грудь и живот. Я спрашивала:

- Я до дна достаю?

- Достаёшь, достаёшь!

Я опускала одну ногу – проверяла... Пальцами ноги нащупывала дно. Когда знаешь, что оно рядом, не так страшно.

Как только я немного научилась грести руками и работать ногами, мама заходила глубже и отпускала руки:

- Плыви! Дно далеко.

Я, с огромными глазами, гребла изо всех сил! Ногами работала так, что речка вспенивалась. Мама плыла рядом и подстраховывала.

- Зачем ты меня на глубине отпустила?!

- Быстрей научишься.

Таким методом учили плавать и сестру и брата. А младшего Мишу учили мы, этим же способом.

Какое счастье, когда умеешь плавать! Можно и нырять, и кувыркаться в воде, и на спинке, и бочком, и стоять вниз головой в воде, держась руками о дно, и наперегонки! А ещё: двое складывали руки «колодцем», третий прыгал с них в воду, иногда просто сваливался. Вот смеху-то было! Если весь день стоял жаркий, то мы и про обед забывали. Ладно, если хлеба с салом кто-нибудь прихватывал из дому. Вечером по доброй воле тоже домой не хотелось. До того хорошо было на речке! Необъяснимо хорошо!

Старшие дети или молодёжь нас крапивою домой выпроваживали. Одного-двух «приласкают» крапивкой по ногам, остальные быстренько убежали, прихватив одежду

и покрывала. Бывало и такое, что чья-нибудь мама, не дождавшись своих детей с речки, шла за ними с прутом. Тогда бежали домой все: и свои, и чужие. Прутиком по мягкому месту не хотелось получить никому. Никто нас, конечно, не бил, но это так – для острастки. Наша мама тоже иногда встречала нас таким же образом. Но мы не обижались – сами виноваты. Сотовой связи в то время не было, по телефону не могли скомандовать идти домой. Нам без телефонов было очень хорошо!

А однажды с нами на речке случилось вот что! Мы, дети восьми – одиннадцати лет и малышня, как обычно, не хотели идти домой. Старшим надоело с нами воевать, и они решили нас проучить. Мы сидели на берегу, некоторые купались, ничего не подозревая. Вдруг кто-то из старших встал и страшным голосом, как нам всем показалось, закричал, растягивая слова:

– Смотри-ите-е! Морско-ой ца-а-арь! – вытянув руку в сторону поворота реки.

Мы, как по команде, повернули головы. Из воды выходил «морской царь», в короне, с трезубцем в руке (это были вилы), длинные волосы из водорослей и травы закрывали лицо, на поясе тоже были водоросли. Моей сестре показалось, что он грозил нам своим костлявым пальцем. Кому-то послышалось:

– Все по домам!

Те, кто купались, мигом выскочили из воды! Как мы все сиганули домой!!! Побросав свои покрывала, а кто-то и одежду. Мчались с испуганными глазами до самого дома, не оглядываясь, напрямик, через поле льна! Малышня редела во весь голос и еле попевала за нами. Дома мы с жаром рассказывали про «морского царя». Родители, конечно, всё поняли:

– Вот, вот! Будете вовремя возвращаться.

После этого случая возвращались мы вовремя. А кое-кто первое время вообще боялся идти на речку. Проучили так проучили!

Позднее – осенью – кто-то из старших рассказывал:

– Ну и хохотали мы над вами! Покатывались со смеху!

Научили послушанию младших. Мы на них обиду не держали.

Омут

Омут начинался сразу за тем местом, где купались дети среднего возраста. Дно обрывалось резко, безо всякого перехода. Мы называли это место «обрыв». Омут – это большой, широкий котлован в русле реки возле второго моста – того, что дальше от деревни. Берег здесь более крутой и высокий. Глубина омута от берега сразу метра два-три. Взрослые говорили, что в середине она метров семь-восемь. Вода там тёмно-синяя, почти чёрная. И чем глубже, тем холоднее – со дна били холодные ключи. Омут был только с одной стороны моста, дальше речка текла своим руслом.

Вот на этом омуте купались взрослые и старшие дети. Нас не пускали, пока не повзрослели. А так хотелось... Помнится, я осторожно подходила к краю обрыва, ноги соскальзывали в глубину – было страшно, но какой-то бешеный азарт заставлял меня проделывать это снова и снова. Отчаянная была, что ли?

Сестрёнка Валя, когда ей было лет десять, тонула. Плавала, устала, хотела встать на дно отдохнуть, а ноги попали как раз на край обрыва, соскользнули. От неожиданности и потери опоры под ногами дыхание перехватило, появился страх – Валя начала тонуть. Ещё и воды нахлебалась. Позднее она рассказывала:

– Я барахтаюсь, тону, люди на берегу сидят и лежат, загорают, кто-то плавает, но никто на меня внимания не обращает. Думаю: как же так – утону, и не заметят?

А все, наверное, думали, что она балуется. А нет, чтобы закричать?! Говорит, стыдно было. Потом взяла себя в руки – плавать-то умела – и выплыла. Главное – не паниковать. Никто так и не понял, что она тонула.

Когда мы повзрослели, стали старшеклассниками, омут был наш! Мы ныряли с берега в глубину, плавали наперегонки на ту сторону и обратно, ныряли с моста: кто вниз головой, а кто «солдатиком», иногда прямо с перил. Мост был деревянный и довольно высокий. Стоял на сваях из лиственницы, а эти сваи поддерживались при помощи опор из брёвен, которые под углом уходили в воду и упирались в дно. Мы называли их «корягами». Располагались они не далее полутора метров друг от друга. Между этими «корягами» мы и прыгали с моста. Сейчас вспоминаю, представляю – становится жутко, а в то время никакого страха не было. Никто никогда на «коряги» не попадал. За все годы моего детства до шестнадцати лет на омуте не утонул никто.

Но несчастье однажды всё же случилось. Мне было лет шестнадцать, младшему брату Мише – девять. Народу на речке было много. Как обычно, все купались, ныряли, загора-ли. С нами купался Мишка, с которым мы когда-то жили по соседству и вместе играли, младше меня года на три. Мишка нырнул с берега, но никто не видел, чтобы он вынырнул. Взрослые ныряли, прощупывали, но Мишку не нашли. Кто-то из детей побежал в деревню с криком «Мишка утонул!»

Страшное известие дошло до мамы. Она подумала, что это её сын, наш Мишка, утонул. Бросив всё, побежала на речку, не помня себя. Добежала почти до поворота на омут, а тут мы: все четверо её детей, поднимаемся на берег и идём навстречу. Увидев маму, запыхавшуюся, с глазами, полными ужаса, мы спрашиваем:

– Мама, ты что?..

Мама обессиленно упала перед Мишей на колени, обняла его и, промолвив: «Живой...» – заплакала.

Миша, чтобы успокоить маму, ничего больше не нашёл, как сказать:

– Чё бы я тонул?..

А утонувшего Мишку нашли на второй день под мостом – туда его унесло течением.

В сентябре, когда уже никто не купался, на омуте произошёл ещё один несчастный случай. С моста в воду, сбив перила, свалилась грузовая машина. Водитель спасся чудом. Дверь кабины успел открыть, пока грузовик не упал в омут, а сам выбрался из кабины уже в воде, доплыл до берега, хотя был нетрезв. Хмель, наверное, сразу прошёл. Через три дня приехали водолазы, подогнали специальную технику и грузовик вытащили. Очень долго и трудно вытаскивали. Мы, как и многие жители села, пришли посмотреть на это действие. Не так часто грузовики с моста падают.

Вот такие детские воспоминания у меня остались о нашем омуте: и хорошие... и не очень.

ЛЕДЯНОЕ «КРЕЩЕНИЕ»

Как только речку Ошу сковывало льдом, шли мы на её крутой берег кататься на санках. Я училась в пятом классе, когда наша семья переехала в новый дом на окраину села, противоположную от речки. Чтобы покататься на санках, приходилось идти через всю деревню. Но нам было не в тягость. Мы бежали наперегонки, катали друг друга по очереди, резко крутанув и вывалив седока на дорогу или в снег на обочину. Смеялись и шутили.

На горке тоже было весело, особенно в выходные: галдёж, смех, валяние друг друга в снегу. Санки соединяли и ехали «паровозиком». Весь этот «паровозик» переворачивался, и получалась «куча мала». Кое-кто поднимался на самое высокое и крутое место берега и съезжал оттуда с криками:

– А-а-а! Ловите меня!

Взрослые, если видели, ругались:

– Куда вы лезете? Шею свернёте!

Шею никто не свернул.

Ближе к центру речки была прорубь. Из неё брали воду жители близлежащих домов. Если мы слишком баловались, нам говорили:

– Осторожнее! Добалуется – свалится в прорубь!

И меня угораздило в неё провалиться. Хорошо, что санки были большие – метр или больше в длину. Их делал папа. Полозья были круто перегнуты спереди и перетянуты бечёвкой. Я катилась с горы и вижу, что еду прямо на прорубь, а свернуть не могу. Не успела глазом моргнуть и сильно испугаться, как очутилась по самые подмышки в проруби. Передняя часть санок её проскочила, а задняя вместе со мной оказалась в воде. Я машинально раскинула руки, оперлась ими о лёд. Ко мне подбежали все, кто был на речке, перепуганные... Вытащили меня. Я сначала тоже испугалась, а потом мне стало смешно. Вылила воду из валенок, отжала носки и пошла домой. Почему меня не завели в ближний дом посушиться, я не знаю. Взрослых на тот момент на берегу не было, а дети не подумали, да я и сама домой захотела. День был, хоть и солнечный, но морозный – зима всё же. И чем дальше я шла, тем сильнее пальто и вся одежда превращались в ледяной панцирь. Я шагала, расставив руки и ноги, переваливаясь, как пингвин, боясь сделать лишнее движение, чтобы ледяная одежда как можно меньше задевала тело. Представляете себе картину: по улице через всю деревню идёт пингвин в синем обледеневшем пальто и тащит за собой санки. Мне было смешно над собой, но смеяться я не могла. Я сравнивала себя с Карбышевым, но ощущения обледенелости тела у меня не было. Тело горело, если только не шевелиться лишний раз. Так, потихонечку, и до дому дошла. Хорошо, родителей не было, не хотелось их пугать. Встала к печке, чтобы ледяной «панцирь» растаял, разделась – и под одеяло. Боялась, что заработаю воспаление лёгких. Но ни воспаления, ни бронхита у меня не было. Только насморк, который через неделю прошёл.

Это было моё первое «крещение» в ледяной воде.

ОБУГЛЕННАЯ БЕРЕЗА

За соседней деревней простирается огромное клубничное поле. Мы каждое лето собираем там клубнику. Посреди поля стоит обугленная расщеплённая уродливая берёза. А когда-то была красавицей...

Вот что с ней случилось. Расскажу по порядку. В детстве мы с мамой ходили по клубнику на это поле. Ягоды было много, собирать – одно удовольствие. Настолько много, что я ползала по-пластунски, собирая её. Ягодки манили меня своими налитыми красными щёчками и дурманящим клубничным запахом:

– Возьми нас, мы спели!

Поверну голову направо, и там клубничка качает головкой, позванивая:

– И мы сочные, не проходи!

Гляну налево – и там ветки гнутся от обилия спелых ягод.

Июль, жара, солнце стоит высоко. Комаров нет, лишь пчёлы жужжат, изредка перелетая с цветка на цветок, собирая нектар. Мы садились под тень высокой раскидистой берёзы отдохнуть от жары и перекусить. Листва нашёптывала нам свои тайны, синички прыгали с ветки на ветку, распевая песни. Можно бы подремать, но надо собирать клубнику.

Однажды нас на поле застала гроза. Среди ясного неба с запада из-за леса заходила высокая черная туча. Появились комары – к дождю. Откуда-то издалека, нехотя и лениво, будто со сна, ворчал гром, легонько потряхивая землю. Потом всё ближе и громче, как будто невидимая колесница катилась по небесным дорогам и громыхала на ухабах. Уходить с поля нам не хотелось – уж очень увлеклись сбором ягод. И до деревни далеко, не успеем, если пойдёт дождь. У нас был большой брезентовый плащ. Думали, переждем грозу и будем снова собирать клубнику. Может, туча мимо пройдёт. И вдруг потемнело. Небо пронзили одна за другой бесшумные

молнии и с силой ударили в землю. Нам с сестрой стало не по себе:

– Мама, пойдём под берёзу спрячемся.

– Ни в коем случае! В грозу рядом с одинокими деревьями находиться нельзя!

Только мама это сказала – очередная молния расщепила берёзу надвое, перерезав её, как острым лезвием. Берёза сломалась и загорелась. Мы стояли метрах в десяти от неё и даже присели от страха. Прижались к маме, не в состоянии вымолвить слова.

Стояли и думали: а если бы пришли без мамы, а если бы встали под берёзу?.. Стало жутко. Писать эти строки было бы некому... И вдруг пошёл проливной дождь. Мы спрятались под брезентовый плащ, ведра с клубникой в руках. Огонь потихоньку начал затухать. Дождь быстро прекратился, а берёза тлела ещё долго. За несколько минут из красавицы превратилась в обугленную и изуродованную... Так до сих пор и стоит посреди клубничного поля.